

АЛЕКСАНДР
СМИРНОВ

КАК
ЗАКАЛЯЛАСЬ
КОРПОРАТИВНАЯ
КУЛЬТУРА

Александр Смирнов

**Как закалялась
корпоративная культура**

«PushBooks»

2020

УДК 65.01
ББК 65.290-2

Смирнов А. Н.

Как закалялась корпоративная культура / А. Н. Смирнов —
«PushBooks», 2020

ISBN 978-5-906084-40-8

Вы, конечно, слышали об автомобильном холдинге «Рольф», даже если покупали машину не там или у вас ее вовсе нет. Компания получила широкую известность, а ее успехи стали возможны не в последнюю очередь благодаря атмосфере и этическим принципам. Автор этой книги в 1992 году пришел в «Рольф» автомехаником, а через 27 лет ушел на заслуженный отдых уже с поста советника по корпоративной культуре. За время работы в холдинге он, по собственным словам, «кожей» ощутил культуру компании и теперь увлекательно рассказывает, как рос и развивался «Рольф» — и как рос и мужал он сам до прихода в компанию. Эта книга — одновременно и мемуары, и рассказ о становлении личности, и хроники известной компании и сборник самых разнообразных историй из жизни ее сотрудников. И конечно, учебник по формированию корпоративной культуры — от эксперта-практика, который сам вместе с коллегами долго строил ее по кирпичику. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 65.01
ББК 65.290-2

ISBN 978-5-906084-40-8

© Смирнов А. Н., 2020
© PushBooks, 2020

Содержание

От автора	6
Часть 1	7
Часть 2	10
Часть 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Николаевич Смирнов

Как закалялась корпоративная культура

© Смирнов А.Н., 2020

© Оформление. ООО «СилаУма – Паблицер», 2020

От автора

27 лет до ухода на заслуженный отдых я проработал в российском автомобильном холдинге – компании «Рольф», куда пришел 21 апреля 1992 года автомехаником, четырнадцатым по счету. Попал туда совершенно случайно из «оборонки», когда многие молодые и энергичные ребята после распада Советского Союза и стагнации производств и КБ искали работу.

В то время я был начальником крупного сборочного цеха в центральном конструкторском бюро «Алмаз» (нынешний «Алмаз-Антей»), но судьба распорядилась так, что в компании «Рольф» я начал путь рядовым автомехаником, а уже через два с половиной года стал директором дилерского центра.

Заключительные шесть лет в компании, где работало уже более восьми тысяч человек, я занимал должность советника по корпоративной культуре. Когда осенью 2012 года руководство предложило мне заниматься этим, я задумался. Что это? Как? Что надо делать? Но подумав пару часов, я сказал генеральному директору: «А давай попробуем!»

Не скрою, была мысль: поработаю три-четыре месяца, посмотрю, что получится, а там посмотрим. Но... опять судьба. Она распорядилась предоставить мне возможность шесть с половиной лет развивать, поддерживать и распространять корпоративную культуру в многотысячном коллективе компании, заряжая других и заряжаясь от них.

В словосочетании «корпоративная культура» главное слово – это «культура». Википедия говорит, что «культура – это набор правил, которые предписывают человеку определенное поведение с присущими ему переживаниями и мыслями, оказывая на него тем самым управленческое воздействие».

На самом деле у слова «культура» очень много разных определений. Считается, что человек, который много читает и ходит в театр, культурный по определению. Несомненно, это так. Но если речь о корпоративной культуре, которая присуща конкретной организации, то ее надо, что называется, понимать, уметь о ней рассказать, а тем более – показать.

За время работы в компании «Рольф» я понял, так сказать, «ощутил кожей» эту культуру, что дало мне прекрасную возможность стать советником по ее развитию и продвижению. Но для того, чтобы вот так чувствовать культуру корпоративную, надо понимать культуру человеческую. Понимать, почему, как и зачем люди совершают те или иные действия. Добрые и не очень, бескорыстные и безжалостные, любые.

Тому, как это понимание зарождалось у меня с детства и до сего дня, и посвящена эта книга. Она позволит тебе, благодарный читатель, взглянуть на свою жизнь под ракурсом способности быть уважаемым и понимаемым другими людьми, порой даже незнакомыми, которые твои слова воспринимают и добровольно следуют им. Уверенность в своих словах идет у человека изнутри. И только в случае полного соответствия личного содержания и формы повествования возникает отклик ваших идей у других людей.

А содержанием человек наполняется (или не наполняется) после конкретного события или примера, на который, возможно, только он один и обратил внимание. Иначе говоря, усвоил этот урок и сделал его своим достоянием на всю жизнь. Именно поэтому я буду приводить примеры из своей жизни, которые сформировали меня. Искренне надеюсь, более того – уверен, что по мере чтения вы будете накладывать мои или аналогичные свои примеры на личное восприятие, формируя и укрепляя в себе новые поведенческие навыки, которые однозначно усилят ваши личностные качества и способность влиять на других людей.

Интересного и полезного чтения!

Александр Смирнов

Часть 1

Ваш сын – вор

Себя я хорошо помню лет с четырех. В то время мы с родителями и сестрой (она старше меня на два года) жили на Цветном бульваре, там я и родился. Немного о том времени. Наши с супругой родители (к огромному нашему сожалению, уже не живущие на этом свете) не были москвичами, но поскольку мой отец и тесть были кадровыми военными, они получили назначение в Москву. Я родился уже в Москве, а будущая супруга приехала в Москву со своими родителями с Дальнего Востока чуть позже.

Мы четыре года жили в десятиметровой комнате в двухэтажном доме барачного типа прямо напротив цирка. Мама моего приятеля-соседа иногда пропускала нас через задний двор и уголок зверей за кулисы (она работала в цирке уборщицей), и мы оттуда через щелочку смотрели на акробатов и клоунов. Подолгу не получалось, минут по двадцать всего.

Все жилые комнаты в доме (до наших дней он не сохранился) располагались на втором этаже. Десять комнат с одной стороны и десять с другой. Одна кухня с графиком пользования плитой для каждой семьи, один туалет, куда вечно стояла очередь, и... черный ход во двор, где в основном и проходил наш ребячий досуг. Это – середина пятидесятых годов прошлого столетия. Отец, молодой офицер, служил, мама была дома. Кушали мы строго по висящему на кухонной стене графику приготовления пищи, а вот с туалетом у нас, детей, была проблема. Взрослые терпеливо стояли в очереди, а мы вечно ныли: «Дядя Ваня, тетя Маша, пропусти-и-и-те».

Так что, будучи маленьким мальчиком, я увидел, что, когда ты живешь среди людей, надо уважать тех, кто живет с тобой рядом, и соблюдать принятые правила общежития. Осознал я это уже гораздо позже.

Только у одной (!) семьи из двадцати был телевизор, часто выходявший из строя, – уникальной марки КВН-49 с огромной линзой перед маленьким экраном, в которой был налит глицерин или вода. Телефона не было ни у кого. Когда необходимо было по тревоге вызвать военных, таких как мой отец, то прибегал нарочный – солдатик с запечатанным пакетом или словесным приказом.

Так вот, о телевизоре. Та единственная семья счастливых его обладателей разрешала всем детям нашего дома раз в неделю, в пятницу в шесть вечера, прийти к ним в комнату со своим стулом, тихо сесть и посмотреть мульт-фильм. Мы, малыши, набивались в маленькую комнату и как замороженные смотрели черно-белый мультик на крошечном экране. И как же нам не хотелось уходить из этой волшебной комнаты, где стояло такое электронное чудо весом в тридцать кило!

Когда мне исполнилось пять, отец получил ордер на чуть бо́льшую комнату в двухкомнатной коммунальной квартире на Хорошевском шоссе. Это было здорово! Комната в четырнадцать квадратных метров, кухня десять, длиннющий коридор, газовая колонка в ванной комнате и высокие потолки – 3,75 метра. Но опять же, не было у нас ни телефона, ни телевизора.

В соседней комнате жила семья: бабушка Клавдия Дмитриевна, полковник дядя Володя – ее сын, его жена тетя Вера и их дочь Ирка, которой было два с половиной года, она ходила в садик. У них был черно-белый телевизор на четырех ножках, а их пузатый холодильник ЗИЛ стоял посередине длинного общего коридора. У нас холодильника не было, да и мебель в нашей комнате была довольно скромная. Добрая красивая тетя Вера разрешала мне два-три раза в неделю вечером у них вместе с их Иркой смотреть «Спокойной ночи, малыши!», чему я был несказанно рад.

Так получилось, что в детский сад я не ходил. Почему? Даже моя мама в уже зрелом возрасте мне не смогла этого объяснить. Папа был все время на службе, мама работала кассиром в маленькой булочной на Беговой улице, а я все время был дома один. Если вы помните историю Москвы, то как раз в это время по улицам разгуливал маньяк – знаменитый Мосгаз, и нам запрещали открывать двери кому бы то ни было. Наше поколение еще называли «дети с ключом на шее»: когда мы выходили на улицу, ключ от квартиры и в самом деле висел на шее на веревочке. У меня был точно такой, и когда я возвращался домой, а в квартире никого не было, то долго стоял у входной двери, потому что не мог дотянуться до замка, было высоко. Так я стоял до тех пор, пока кто-нибудь из верхних соседей не проходил мимо и не помогал мне открыть.

Да, уже в пять лет я ходил на улицу один и гулял рядом с домом или во дворе с деревянной горкой посередине. В каждом дворе был дворник, который знал все и всех. Он очень строго следил за порядком, и мы его страшно боялись: у него была огромная метла, а вечером он мог и сообщить родителям о нашем плохом поведении. Наказание было простое – стояние в углу лицом к стене. Два часа. Это правда.

Уже в наши дни я регулярно приезжаю на велосипеде туда, подолгу стою под окнами нашей квартиры номер 85 на втором этаже, непременно захожу во двор, который в детстве мне казался огромным, а сейчас маленький, но всегда очень чистый и аккуратный.

Мы жили довольно скромно. Чтобы было понятнее, скажу, что мандарины мы с сестрой видели только раз в году – на Новый год, когда мама их вешала на елку. Для детей нашего поколения Новый год был настоящим праздником: в этот день мы ели мандарины и шоколадные конфеты. В остальное время о подобных вкусностях мы могли только мечтать. Ну разве что в день рождения что-то еще сладенькое перепадет.

Итак, днем я оставался дома один и, когда все взрослые расходились по своим делам, бродил по длинному коридору, кухне, своей комнате, иногда заглядывая в замочную скважину в соседскую – она закрывалась на ключ. И каждый раз я проходил мимо холодильника. Как-то раз ради интереса открыл дверь этого урчащего «пузача». Напомню, что мне было около пяти.

Сказать, что я обомлел, – не сказать ничего. Там лежало много разной вкусноты, но что я прекрасно помню даже сейчас – яблоки, которые лежали в нижнем прозрачном ящичке. Много. Они были такие красивые, как описывал Пушкин в «Сказке о мертвой царевне». Яркие, сочные, желто-красные, лоснящиеся. Я замер. Такой вкусной красоты я еще не видел. Мне так захотелось этого яблока, что я даже описать это сейчас не могу. Я закрыл дверь и пошел в свою комнату.

Весь мир превратился в ящик с яблоками. Я больше ни о чем другом не мог думать. Но они – чужие. Они не у нас. Но я очень хочу. Как быть? Время идет, и скоро соседи вернутся, а сейчас холодильник стоит один, а яблок там много. Очень много. Я снова подхожу к холодильнику, открываю дверцу, беру самое красивое яблоко, немного перемешиваю их сверху и ухожу в свою комнату.

Несколько минут я смотрел на это яблоко. Потом его вытер чем-то и... съел. Я никогда в жизни не ел ничего более вкусного. Мне кажется, что даже сейчас я чувствую его сладость и аромат. Вечером, когда обе семьи уже были дома, я ждал, что что-то произойдет, но ничего не случилось. А на следующий день я опять остался дома один. Сходил погулять, а когда вернулся, то подошел опять к чужому холодильнику. Прошли сутки, а ящик с яблоками продолжал стоять у меня перед глазами. Я открыл дверцу, взял еще одно яблоко и пошел в нашу комнату.

Второе яблоко я съел быстрее, чем первое, и уже с меньшим трепетом – ведь в прошлый раз ничего не случилось. То же самое произошло и на третий день. Я успокоился совсем, а когда на четвертый день уверенно подошел к холодильнику за очередным яблоком, то увидел, что холодильник обвязан вокруг тонкой металлической цепочкой, застегнутой возле ручки на маленький замок. Я еще подумал: «Ну какие же странные соседи!»

Наступил вечер. Клавдия Дмитриевна привела Ирку из садика, пришла тетя Вера и чуть позже дядя Володя в красивой форме полковника. Мой папа был тогда старшим лейтенантом. Выйдя в коридор, я натолкнулся на тетю Веру. Она спросила, дома ли моя мама. Я ответил, что нет. Тетя Вера сказала мне, чтобы я передал маме, чтобы она зашла вечером к ним и взяла меня с собой. Мама приходила с работы в половине восьмого. Для меня всегда приход в комнату к соседям был приятным моментом. Они жили очень хорошо: уютная, большого размера комната с дорогой мебелью, телевизором и постоянными конфетами на столе.

Мама пришла с работы вовремя, уставшая, и я ей сказал, что нас ждут соседи. Мама ответила, что сейчас умоется, переоденется – и пойдем. Я с нетерпением ждал этого момента.

Когда мама была готова, мы постучали в дверь комнаты соседей – и услышали: «Войдите». Клавдия Дмитриевна, дядя Володя и Ирка сидели на диване лицом к нам, а тетя Вера на стуле рядом. Мы с мамой прикрыли дверь и встали перед соседями. Тетя Вера посмотрела сначала на меня, потом маме в глаза и сказала то, что я помню всю жизнь: «Елена Захаровна, знаете ли вы, что ваш сын – вор?»

Мама пошатнулась, я взял ее за руку, и мы посмотрели в глаза друг другу. Я никому не пожелаю увидеть такие глаза своей матери. В них были боль, отчаяние, унижение, мука, бессилие. За свои двадцать восемь лет моя мама впервые чувствовала себя столь униженной, стоя перед семьей полковника, где четыре пары глаз буквально впились в нее. Затем тетя Вера в деталях рассказала маме про мою любовь к их яблокам.

Я не буду описывать заслуженное мною наказание после этой унижительной для нашей семьи встречи. Но в пять лет я вколотил в свое сознание главную мысль и главный принцип жизни:

Воровать я не буду никогда. Моя мама не заслужила того, чтобы ее сын был вором. Воровать нельзя!

Рекомендации автора

- Уважайте коллег. Тех, с кем вы работаете рядом. Только тогда вы сами будете уважаемым.
- Не прощайте воровство. Укрavший однажды обязательно украдет еще раз. Об этом договаривайтесь «на входе».

Часть 2

Скажи мне, кто твои друзья

Так мы и жили в пятиэтажке на Хорошевке. Ближайшей станцией метро была «Краснопресненская». Сиреновой ветки метро, как и многих других, тогда еще не было, они были запущены гораздо позже. На улицах часто появлялись старьевщики и точильщики, криками оповещая жителей района о своем прибытии. Точильщики ходили по этажам, неся станки с ножным приводом, и точили за копейки все, что им давали. Но я больше любил старьевщиков, потому что им можно было за игрушку – маленькую обезьянку на резинке – отдать старую обувь или белье. И я постоянно просил маму дать мне что-нибудь из ненужного, чего, как вы сами понимаете, у нас и не было.

Деньги до реформы 1961 года были еще старые, образца 1947 года. Из-за большого размера в народе их даже называли «сталинские портянки». Когда мой папа один раз в месяц приносил домой зарплату и вываливал деньги на стол (обычно это были купюры мелкого достоинства), они превращались в гору. Военные в советское время получали хорошие деньги и составляли элиту общества. А фраза «слово офицера» имела реальный вес. В таксофоне на улице звонок стоил 15 копеек, а в каждом троллейбусе и автобусе сидел злобный кондуктор, который «обилечивал» пассажиров. Проехать зайцем было практически невозможно. Над головой у кондуктора была натянута веревочка, которая вела в кабину водителя, и пока кондуктор не дернет за нее, троллейбус или автобус не отправлялся. Грудь кондуктора была украшена кучей билетных рулонов разного цвета, так как проезд до разных мест стоил по-разному.

Я же, пятилетний мальчик, продолжал один гулять во дворе. Как-то раз нашел на улице серебристую круглую детальку с двумя отводами. Я ходил и у многих спрашивал, но никто не мог ответить, что это такое. Родители тоже не знали. Только поздно вечером сосед дядя Володя мне сказал, что это транзистор ПЗБ. Он служил в инженерных войсках, и благодаря ему я начал еще в детстве разбираться в электрике, что гораздо позже и предопределило мою дальнейшую жизнь.

Как-то, гуляя возле свалки недалеко от помойки, я нашел огромный металлический счетчик с большой серебряной ручкой, который устанавливался в такси. Я покрутил ручку, и счетчик начал «отсчитывать» копейки и рубли. Для справки: в каждом такси стоял такой счетчик, его включал водитель при посадке пассажира. Я же в детстве на такси проехал всего пару раз. Для нас это было дорого.

Я сидел в соседнем дворе и наслаждался счетчиком, когда ко мне подошел парень года на три-четыре старше меня и попросил показать ему эту мою находку. Мы познакомились. Парня звали Жора Семенов, и позже я узнал, что он был местный хулиган, держащий в страхе здешнюю детвору. Он учился во втором классе (моя старшая сестра – в первом) в 643-й средней школе – сейчас она в современном разноцветном здании рядом со станцией метро «Полежаевская».

Жора оказался страстным радиолюбителем и уже самостоятельно собирал разные радиосхемы. Как ни странно, мы с Жорой на какое-то время стали друзьями. Во втором классе моя сестра училась вместе с Жорой, потому что из-за низкой успеваемости его оставили на второй год, а потом и еще на один. С Жорой практически никто не дружил, все боялись, а мы с ним на почве радиолюбительства сошлись. Он начал меня учить – и научил так, что в шесть лет на базе найденного транзистора я самостоятельно собрал первый в своей жизни детекторный приемник. Когда в наушнике от уличного таксофона, подключенного к коллектору транзистора, я слышал голос диктора, счастьем моему не было предела. Вечером я, ложась спать, залезал

под одеяло, прикручивал провод «заземления» к зачищенному крючку комнатной батареи и полночи слушал радио. Мне было неважно, передавали ли там новости или пели песни.

Я слушал «свой приемник»! Именно с той поры в течение 32 лет у меня было хобби – радиолобительство. Перестал я им заниматься сразу по приходе в «Рольф». Так получилось.

Жора жил через три дома от моего, с задней стороны нашей школы, и мы несколько раз в неделю у него вдвоем паяли разные схемы. Ему девять лет, мне шесть – вот такие радиолобители. Жора мне казался гением и прекрасным учителем. Я так и не понял, почему все его считали хулиганом.

Как-то раз летом мы в очередной раз были у него дома. Он паял, сидя за столом, а я стоял сзади и наблюдал за его действиями, с удовольствием вдыхая аромат канифоли. Жора выполнил последнюю пайку и, держа паяльник в левой руке, включил приемник. Раздался голос диктора, мы вскрикнули от радости, и я сказал: «Жора, какой же ты молодец!» Жора обернулся ко мне через левое плечо, чтобы ответить, – и раскаленное жало паяльника с капелькой расплавленного олова на конце попадает мне прямо в левый глаз. Я зажмурился и закричал от страшной боли. Итак, мы вдвоем дома у Жоры, взрослых нет, у меня травма глаза, и мы не понимаем, что с ним. Я непрерывно ору. К счастью, в Жорином доме на первом этаже была детская поликлиника. Жора схватил меня за руку, кое-как одел и повел туда. Здесь надо отметить, что в советское время попасть к врачу-специалисту, в частности окулисту, было целой проблемой. Перед кабинетом сидела толпа родителей с детьми. Я ничего этого не видел, конечно, только слышал их крики, когда Жора тащил меня через их толпу (напомню, ему было только девять лет!), громко крича: «У меня раненый!»

Что делал со мной врач, я, конечно, не видел, но мне казалось, что из глаза все время что-то вытекает. Жидкости было очень много. Врач наложил повязку и сказал, чтобы я пришел к нему через десять дней.

Жора отвел меня домой, открыл моим ключом дверь и уложил в кровать. После этого он пошел в булочную на Беговую, где работала моя мама, и все ей рассказал.

Только недели через полторы я смог приоткрыть глаза – после того как доктор скальпелем разрезал слипшиеся веки.

Вот такие бывают хулиганы, внутри которых – настоящий ДРУГ. Такой вывод я сделал гораздо позже. Я не помню многих имен из моего детства, но Жору помню всегда. Они с родителями позже переехали на другую квартиру, и мы потерялись.

По прошествии многих лет зрение на этом глазу – единица! И я считаю это результатом того, как поступил Жора, спасая меня, своего друга. Конечно, «хулиган» Жора мог бы научить меня и другим жизненным премудростям, но именно он не только на 32 года вперед увлек меня интересным делом, но и показал, что такое ДРУЖБА.

Примерно через полгода у нас в квартире установили телефон. Телефоны в то время в первую очередь ставили семьям военных. Московские номера были шестизначными и начинались не с цифры, а с буквы. У нас был номер Г-4-37... Телефоны в нашей и соседней квартире были спаренные, и когда там разговаривали, мы уже это делать не могли.

В 1960 году я пошел в первый класс. Был я «продленочником»: поскольку наши с сестрой родители работали, первые два класса после уроков я был в школе на продленке. Домой приходил только в пять-шесть вечера.

В 1961 году в стране произошли два события. 1 января – знаменитая денежная реформа. «Сталинские портянки» по курсу 10:1 были заменены на «хрущевские фантики» – так называли денежные купюры образца 1961 года.

А главное событие – 12 апреля 1961 года: полет Юрия Гагарина в космос.

Это была среда, учебный день. Я сидел на уроке русского языка в первом классе 643-й школы. Где-то в районе одиннадцати часов утра включился классный репродуктор, и диктор Юрий Левитан сообщил стране о первом в мире космонавте Юрии Гагарине и первом косми-

ческом полете. Тетрадки и учебники полетели вверх, школа наполнилась криками «ура!», и мы все высыпали на Хорошевское шоссе, перегородив проезд редким автомобилям.

Народу было море, у всех глаза – в небо: «Где ты, дядя Юра?» Это был праздник всей страны. Мы – первые в мире! Толпа ликовала весь день. Все мальчишки сразу захотели быть космонавтами, Юрий Гагарин превратился в символ нашего поколения, а имя Юрий в 1961 году стало самым массовым.

И еще немного про дружбу. Пять лет, с первого по пятый класс, я отучился в этой школе. В 1964 году отец получил давно желанный ордер в военный городок возле Серебряного Бора, в хрущевку. Для всех семей военных, которые въезжали пусть в маленькую, но отдельную квартиру, это был праздник. Пятый этаж, пусть без лифта, балкон! Здесь я пошел в шестой класс новой, только что выстроенной 593-й школы, после ее окончания поступил в технический вуз, который с перерывом на двухгодичную службу в армии благополучно окончил.

В обеих школах и в разных группах института я всегда входил в костяк класса или группы. В него иногда включались новые люди, отключались случайные, но в целом этот актив коллектива сохранялся до окончания каждого учебного заведения. И всякий раз я убеждался в силе костяка, его возможностях и способностях определять «стратегию и политику» класса или группы. Костяк составлял примерно 30–40 % всего коллектива, но к нему прислушивались все: и остальные учащиеся, и даже учителя. То же самое было и во время моей службы в армии, но об этом расскажу чуть позже.

Я четко понял, что в любом коллективе обязательно должен быть костяк, актив объединенных общими взглядами и ценностями людей, у которых есть один-два добровольно признанных ими лидера. Не назначенных им сверху, а сформировавшихся внутри силой их личностных качеств. Это важно.

Рекомендации автора

- Дорожите настоящей дружбой.
- Используя свои личные качества, будьте всегда в костяке коллектива.

Часть 3

«Доброго здоровья»

Как я уже говорил, мои родители происходили не из Москвы, куда они приехали позже. Отец был родом из Костромской области, а мама из Брянской – старинного русского города Мглин, которому в 2020 году исполнилось 878 лет. Мама появилась на свет 22 апреля, в день рождения Ленина, поэтому ее называли Леной. Название города связывают с окружавшими его в прошлом сумрачными, мглистыми лесами. В этом городе жили мои бабушка с дедушкой, там прошло все мое «летнее детство», потому что каждые самые длинные в году каникулы мы с сестрой проводили у них. В местной речушке Судынке, чуть не утонув, я научился плавать. Родители привозили нас туда сразу после окончания учебного года, а забирали за несколько дней до начала следующего.

Я очень любил и люблю своих родителей, грущу, что их нет с нами, но бабушка и дедушка по маминой линии были и остаются для меня главным жизненным примером, хотя тогда, мальчишкой, я этого еще не понимал. Благодаря им я такой, как есть. Они были в городе очень уважаемыми людьми, их все знали. К моему огромному сожалению, мне мало что про них известно, потому что они давно уже ушли из жизни.

Они всю жизнь работали. Дедушка – на разных должностях, последнее время председателем колхоза. Когда началась война, ушел партизанить в брянские леса. Как-то во время очередных каникул я увидел у него глубоко в шкафу старый солдатский ремень. С одной его стороны было небольшое отверстие от пули, а с другой – вырванный кусок. Спросил у дедушки: «Что это?» А он в ответ: «Это меня так ранило». Пуля прошла навывлет, не задев жизненно важные органы, и на выходе сильно повредила тело и ремень. Дедушка был смешной, забавный. Правда, он был сильно болен – страдал диабетом, от которого в итоге и умер. Бабушка пережила его всего на полгода, умерла, скорее всего, от тоски. Любимые мои!

У деда был двухведерный медный самовар, который он раз в неделю чистил белым песком. Самовар стоял на столе, внутри тлели и потрескивали лучины. Дедушка наливал в тонкий стакан с подстаканником еще бурлящую воду и пил чай вприкуску с сахаром, который он специальными щипчиками откалывал от огромного куска.

Бабушка всю жизнь проработала в школе. Она преподавала русский язык и литературу, что меня мало радовало, потому что все каникулы она заставляла меня читать разные книги по программе, типа «Война и мир», сидеть за которыми мне совсем не хотелось. Хотелось – Александра Дюма и Майн Рида, которых я читал тайком. Позже бабушка стала завучем. Она была награждена орденом Трудового Красного Знамени. У деда тоже было много наград, но я их уже не помню.

У моих «старичков» было трое детей: две дочери и сын Аркадий, который погиб на фронте в первые дни войны, и я его не знал. Бабушка и дедушка, когда про него говорили, вспоминая, всегда плакали. Старшую дочь звали Тамара. У нее были две дочери – мои двоюродные сестры. Младшая дочь, Лена, – наша мама.

Когда мы приезжали на каникулы к бабушке, моя старшая сестра обычно самостоятельно выбирала себе занятия, а я чаще бывал с бабушкой и ходил с ней за руку на базар, в магазин и по ее знакомым. Это было забавно. Бабушку знали все в городе. Когда по дороге кто-нибудь встречался из ее знакомых, то каждый раз, глядя на меня, на бабушкиного внука, этот знакомый или знакомая спрашивали: «Евдокия Георгиевна, это Тамарин?» – а бабушка с улыбкой отвечала: «Нет, это – Ленин».

Мы, дети послевоенного времени, выросли на имени Ленин. И меня после бабушкиных слов накрывала волна гордости и значимости. Я – Ленин. Только ради этого мне, шести-семи-

восьмилетнему мальчику, хотелось идти за ручку с бабушкой, доставляя ей и себе удовольствие. Но вся эта глава посвящена немного другому, гораздо более значимому и важному. Тому, что предопределило мое дальнейшее отношение к людям. И неважно, знакомым или нет. Людям!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.